

1.4. РЕЛИГИОЗНО-МОТИВИРОВАННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

В рамках науки (социологии, политологии, социальной философии) феномен международного терроризма рассматривается как явление сложное, многофункциональное, со своими специфическими особенностями и, главное, закономерное, ибо его природа глубоко укоренена в противоречия глобализационных процессов.

Более того, международный терроризм, как всякое закономерное явление, меняется, эволюционирует – его масштабы, уровень виктимности, формы, методы, способы организации существенно и динамично изменяются. Если в конце XX века западные аналитики⁴¹ еще только предупреждали о том, что процесс религиозизации террористической деятельности в нынешних реалиях нарастает, религиозно-инспирированный терроризм возвращается на мировую арену, - то сегодня (через каких-то 20-30 лет) такой симбиоз террористической технологии и религиозной идеологии уже стал абсолютно доминирующим в системе международного терроризма и вошел в число глобальных проблем и рисков.

Как назвать такой симбиоз – отдельная проблема: кто-то свободно пользуется термином «религиозный терроризм», другие убеждают в некорректности этого термина, используя понятия «религиозно-мотивированный терроризм», «терроризм на религиозной почве», «религиозно-окрашенный», «квази-религиозный». Это отдельный вопрос для дискуссий. Отмечу только, что в англоязычной литературе, международных социологических исследованиях на базах данных в последнее время активно употребляется термин - не очень удобный для перевода - «religion-related terrorism» (терроризм, так или иначе связанный с религией, соотнесенный с религией). Под ним понимают «действия групп, которые: а) используют религию как оправдание либо мотивацию для своей деятельности, а также б) террористические акты, совершенные индивидами или группами с нерелигиозной идентичностью, но направленные против религиозных общин, верующих, представителей духовенства».⁴² Иными словами, сюда относят те террористические акты, где религия либо соотносится с действиями субъекта (мотивирует, освящает, оправдывает), либо соотносится с идентичностью непосредственных жертв террора.

Разные базы данных включают огромное количество кодифицированных террористических инцидентов в мировом масштабе⁴³ – от 38,7 тысяч до 140 тыс. Накопленный материал о террористических и контртеррористических акциях позволяет говорить о глобальных трендах в современном религиозно-мотивированном терроризме. Среди них:

Во-первых. Доминирующим способом легитимации, идеологического обеспечения и мотивации международного терроризма стал религиозный (религиозно-мотивированный) экстремизм. Если до начала нынешнего века первенство принадлежало идеологии национального сепаратизма, то с 2001 года эта роль окончательно перешла к религиозному экстремизму. Количество инцидентов, совершенных националистическими сепаратистскими группами остается ныне относительно стабильным, в то время как количество атак, совершенных религиозными экстремистами, постоянно и неуклонно растет. За данными на 2015 год 66% жертв, погибших в результате террористических атак, на совести всего 4-х мощнейших группировок: «ИГИЛ» в Сирии и Ираке, «Боко Харам» в Нигерии, «Талибан» в Афганистане и «Аль-Каида», которые являются носителями и генераторами так называемой «исламистской идеологии» - одной из самых извращенных и разрушительных форм политического использования ислама для оправдания и освящения терроризма.

Во-вторых. Расширение территориальных границ целевой активности террористических групп: ежегодно растет количество стран, которые становятся местом

⁴¹ Б.Гейнор, Б.Гоффман, М.Рансторп, Д.Рапопорт, М.Юргенсмейер и др.

⁴² См., напр: Rise in religion-related terrorist activity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pewforum.org/2016/06/23/trends-in-global-restrictions-on-religion/>.

⁴³ RDWTI (RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents), Global Terrorism Database (GTD)

«обитания» террористических групп и донорами жертв для них. Если в 2013 году религиозно-мотивированные террористические группы действовали на территории 73 стран, а 51 страна стала объектом террористических атак, то уже за год эти показатели увеличились до 82 и 60, соответственно.⁴⁴ Иначе говоря, 40% стран на мировой арене, так или иначе, поражены вирусом религиозного экстремизма.

Процесс расширения пространства террористической деятельности охватил все континенты, в т.ч. Европе – 18 европейских стран уже стали ареной террористических атак⁴⁵ и, наверное, нет ни одной, которой бы такие риски не угрожали. Более того, именно Европа становится воплощением Запада и главной мишенью для внезапных и летальных атак – за последние 15 лет здесь было совершено 222 террористических акта, т.е. 89% от общего количества атак на Западные страны.

В-третьих. Наращивание активности религиозно-мотивированного терроризма. За 15 лет нового века произошло почти 10-кратное увеличение смертности от террористических атак – от 3,3 тыс. в 2000 до 32,7 тыс. в 2014 году. Более 80% приходится сейчас на 5 стран мира – Ирак, Афганистан, Пакистан, Нигерию, Сирию [Global Terrorism Index 2015]. Среди 123 стран, пострадавших от разных форм терроризма (политического, военного, религиозно-мотивированного) на 12-ой позиции по количеству жертв оказалась Украина, где погибшими от терроризма признано 7,2 тыс. человек⁴⁶, 8-бальным уровнем угрозы терроризма (по 10-бальной шкале) и на 4-ой позиции по темпам роста летальности террористических актов. На оккупированных территориях действуют военные группировки с откровенной религиозной мотивацией (известные под названием Всевеликое войско Донское, Русская православная Армия, разные войсковые казачьи сообщества и др.), а жертвами становятся представители разных конфессий и вероисповеданий.

В-четвертых. Изменение социального состава террористических групп и социального профиля их членов. Социологический анализ исламистских террористических групп (т.е. носителей радикально истолкованных идей джихада, евроджихада) в Европе показал усложнение их структуры: это – группы, включающие мигрантов первого поколения и мигрантов второго-третьего поколений (которые не идентифицируют себя ни со страной своего этнического происхождения, ни со страной рождения и проживания), новообращенных в ислам; бывших заключенных и мелких преступников: образованных людей, чьи ожидания превышают их реальные возможности; высоко-образованных профессионалов, работающих в сфере медицины, образования, науки, архитектуры, инженерной деятельности⁴⁷. Значительная часть террористов (для Аль-Каиды) уже две трети состава происходят из материально обеспеченных семей среднего класса, получили высшее образование в западных университетах, являются дипломированными специалистами в статусных сферах занятости, разговаривают на трех-шести языках, лучшие представители своих общин. Многие прекрасно интегрированы в общество, поэтому стереотипы «социального отчуждения», как причины их радикализации, уже не работают. Теперь речь идет о потенциале религиозно-экстремистской идеологии, способной предлагать молодежи мировоззренческие установки, альтернативную идентичность, жизненные смыслы, политические цели, идеологическую базу, четкую систему ценностей (связанной с ценностями личной свободы и переустройства мира, самореализации, минимум этических, моральных и политических ограничений, ощущения себя Субъектом миро-преобразования).

В-пятых. Сетевые формы распространения – объединение многочисленных локальных ячеек благодаря информационным технологиям, международным сетям наркотрафика, трафика вооружений в широкие сети. Как следствие, одна из наиболее тревожных тенденций последних лет – феномен доморощенного, местного терроризма

⁴⁴ В общем террористические акты различного типа зафиксированы, за данными «Global Terrorism Index 2015» в 93-х странах мира

⁴⁵ Trends in Global Restrictions on Religion [Электронный ресурс]. – www.pewforum.org/2016/

⁴⁶ для сравнения: в Сирии – несколько больше 8 тыс., в Пакистане, Афганистане – свыше 9 тыс.

⁴⁷ Angel Rabasa and Cheryl Benard. Eurojihad: Patterns of Islamist Radicalization and Terrorism in Europe. Cambridge University Press, NY, 2015

(«homegrown terrorism»), проводниками которого станут активисты диаспор, иммигранты, подготовленные миссионеры, наемники, которые вернулись из районов боевых действий. Именно такие домашние группировки обладают значительным преимуществом, ибо они адаптированы, прекрасно интегрированы в социум.

В-шестых. Речь идет не только о количественных показателях (наращивании террористических актов, количества групп, стран и территорий, численности жертв), но тревожных в качественных процессах:

- о деформации религиозных идей в массовом сознании;
- о новом витке превращения религии в религиозные идеологии, которые brutally извращают самую сущность великих мировых религий и становятся мотивацией для экстремизма и терроризма;
- о технологиях сакрализации насилия и превращения религии в пропагандистское и информационное оружие;
- религии как средство формирования особого типа «террористической ментальности» (когда речь идет не об радикализации ислама, а об исламизации радикализма).

Сильнее всего в этих процессах идеологизации религии пострадал ислам, который в глобальном масштабе, вместо своего сущностного назначения удовлетворять мировоззренческие, ценностные, духовные потребности полутора миллиардной уммы, практически низводится до технологий обслуживания политических и геополитических целей экстремистских группировок.

Есть и другие тренды – технологизация террористической деятельности, освоение гибридного типа воен, способность к формированию стабильных квази-государственных образований, целенаправленное формирование собственной социальной базы (путем масштабного политического и военного насилия, захвата политической власти и др.). Все это дает основание для вывода, что религиозно-мотивированный терроризм вступает в новую фазу своего развития, для которого уже придуман термин «постмодерный терроризм», и несет он в себе глобальный уровень угрозы.

Муатар ХАЙДАРОВА

1.5. РАДИКАЛИЗАЦИЯ И НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА)⁴⁸

В Таджикистане, как и во всей Центральной Азии, нарастает озабоченность по усилению радикализма и насильственного экстремизма на религиозной основе, а также проблем, связанных с теми, кто прибегает к подобным действиям. Возникают и вопросы о том, как воспрепятствовать росту таких деструктивных элементов, как пресечь деятельность и финансирование подобных групп и установление ими международных контактов, равно как и воспрепятствовать возможности их влияния на молодежь или манипулированию молодежью через религию, а также использовать (в том числе в преступных целях) структуры легитимных и нелегитимных религиозных общин.

Исходя из этих реалий, очевидно и то, что оправданием наличия некоторых положений в законодательстве РТ является необходимость борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в данном и в других контекстах. Хотя данные цели и могут являться благонамеренными и нужными, однако международное сообщество едино во мнении о том, что подобные действия не могут производиться за счет ущемления норм соблюдения основных прав человека.

Еще в 2002 г. ОБСЕ в своей Хартии «О предотвращении терроризма и борьбе с ним»

⁴⁸ © М.С. Хайдарова. Доклад подготовлен на основе обзора СМИ Таджикистана за 2015-2016 гг.